

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

И. А. Крывелев. История религий, т. 1. М., 1975, 415 с.; т. 2, М., 1976, 423 с.

Выход в свет двухтомного исследования по истории религий И. А. Крывелева представляется событием незаурядным в марксистской религиоведческой литературе. Нельзя пожаловаться на отсутствие марксистских работ по самым различным вопросам, касающимся отдельных религиозных культов, однако из обобщающих трудов по всем религиям в целом можно назвать только книгу С. А. Токарева «Религия в истории народов мира». О том, что такая книга крайне необходима читателю, как советскому, так и зарубежному, говорит тот факт, что она за сравнительно короткий срок вышла большим тиражом тремя изданиями¹ и была переведена во многих странах. Однако, при всех несомненных достоинствах монографии С. А. Токарева, в ней основное место занимает описание племенных культов и национально-государственных религий прошлого и только 100 страниц из 575 отведено мировым религиям — буддизму, христианству и исламу, причем собственно историческому развитию и современному состоянию этих культов отведено весьма скромное место.

По иному принципу построена работа И. А. Крывелева. Она посвящена трем мировым религиям — христианской, буддистской и мусульманской. Раскрытию основных моментов истории мировых религий автор предпосылает две главы более общего характера: о происхождении религии в первобытном обществе и о некоторых проблемах истории древних религий Средиземноморского бассейна, что позволяет ему показать читателю исторические корни догматики и культовой практики мировых религий.

Автор строго придерживается исторического принципа. Он прослеживает зарождение исследуемой религии, затем ее эволюцию. Увязывая эволюцию религии с изменениями условий жизни человека и общества, автор вскрывает земные корни верований. Это вовсе не значит, что он идет по пути упрощенчества и вульгарного социологизма. Не ставя знака равенства между религиозными системами и воззрениями и общественными отношениями, И. А. Крывелев стремится выявить связь между первыми и экономическим базисом. Разгадка религиозных тайн лежит не на небесах, а на земле. Этот марксистский постулат позволяет автору лишить религию ореола сверхъестественности, обнажить ее реальное, земное происхождение и обличье и тем самым доказать несомненное превосходство подлинно научного материалистического понимания и объяснения всех явлений природы и общества.

Следует отметить, что в буржуазной научной литературе нет книг, аналогичных исследованию И. А. Крывелева. Буржуазные религиоведы в обобщающих трудах, как правило, не выходят за рамки проблем, связанных с первобытными и государственными культурами древних обществ (Египет, Греция, Рим и т. д.). Таковы старые работы С. Рейнака, А. Мензиса, Д. Грант-Аллена, одно из первых коллективных исследований по истории религии под редакцией Д. П. Шантейн-де-ля-Соссей и современные труды А. Анвандера, Г. Рингрена и Стрема и других. В известной мере этим же недостатком страдают и «Очерки по истории религий» итальянского марксиста А. Донини, хотя в них, кроме христианской религии рассматриваются буддизм, конфуцианство и мусульманство². Разумеется, написание истории религий, а тем более с марксистских позиций, дело не только трудоемкое, но и очень сложное. Оно требует огромной эрудиции, знания источников, специальной философской, исторической, этнографической, социологической, психологической, а также апологетической литературы. Оно требует умения, которым владеет далеко не каждый ученый, слить, связать все эти знания в одно гармоничное целое, синтезировать их, с тем, чтобы воссоздать подлинно объективную картину возникновения религиозных культов, выявить закономерность их эволюции, раскрыть их взаимосвязь и т. д. Сделать это отнюдь не просто, учитывая, что возникновение религиозных культов и их эволюция — процесс исключительно многогранный. При его изучении легко либо впасть в упрощенчество, объявив всякую религию выдумкой и обманом, либо удариться в другую крайность: запутаться в ее сложностях, попытаться извлечь некое «рациональное зерно» из религиозного учения, выявить нечто «извечное» в религиозном мышлении, будто бы органически присущее человеку, не имеющее якобы «земных кор-

¹ С. А. Токарев. Религия в истории народов мира (изд. 3-е). М., 1976.

² На русском языке книга А. Донини вышла под названием «Люди, идолы и боги» (М., 1966).

ней» — заблуждения, свойственные не только апологетам религии, но и многим ее буржуазным исследователям и критикам, а также всякого рода оппортунистам, пытающимся примирить или, точнее, объединить религию с марксизмом. Легко власть и в описательство или поверхностный историзм, игнорируя связь социально-экономических факторов с явлениями религиозного порядка, зависимость церковных учреждений и институтов от характера общественно-экономических формаций — ошибка, свойственная большинству буржуазных ученых, которые рассматривают историю религий в отрыве от истории общества.

Всех этих недостатков удалось избежать автору рецензируемого издания. Этнограф и историк-религиовед, И. А. Кривелев известен многочисленными работами, связанными с марксистской трактовкой Библии, ее происхождения, а также книгами, где анализируется отношение классиков марксизма-ленинизма к религии и церкви. Все это говорит о том, что И. А. Кривелев был подготовлен к созданию данного труда.

Заслуживают внимания в первую очередь теоретические и методологические принципы, лежащие в основе исследования И. А. Кривелева. Анализируя понятие «религия», автор отмечает, что оно состоит из следующих разнородных компонентов: церковь как общественный институт, объединяющий на специфически религиозной, а нередко и на более широкой почве людей, считающих себя приверженцами данной религии или выдающих себя за таковых; культ — совокупность религиозно-магических действий, выполняемых в соответствии с каноническими установлениями данной религии под контролем и руководством церкви; верования и представления, составляющие систему догматов или в простейших случаях — мифологию данной религии; специфические эмоциональные переживания, связанные с верованиями и культом соответствующей религии; нормы нравственности, получившие независимо от своего действительного происхождения оправдание и освящение в системе догматов данной религии (т. 1, стр. 10).

Определяющим специфику религии, по мнению автора, и с этим нельзя не согласиться, является третий элемент, а именно — верования и представления о сверхъестественном.

Одна из особенностей религиозных культов, выдаваемых богословами за «вечные», «неизменные» — это их временность и изменчивость. Боги рождаются, живут и умирают. Жизнь богов, как и сотворивших их людей, полна превратностей, с течением времени они меняют свое обличье, теряют старые черты, приобретают новые. Эволюционируют и религиозные системы, от них отпочковываются другие. Меняются догмы. Церковные апологеты, как правило, не в состоянии разумительно объяснить причины таких изменений. Эти причины позволяет выявить лишь марксистский классовый анализ. Проследившая, как религия окрашивает в определенные тона все мировоззрение верующего человека, И. А. Кривелев напоминает, что религиозные верования меняются прежде всего вследствие изменения действительной жизни, фантастическим отражением которой эти верования являются. «Как бы ни было фантастично религиозное зеркало, в котором отражается содержание общественного бытия, — пишет автор, — изменение последнего не может не вызывать изменений в самом отражении. Несмотря на консерватизм религиозной идеологии, постепенно и боги приобретают другой вид, и их образ жизни оказывается совсем другим, и обстановка в сверхъестественном мире представляется людям иной» (т. 1, стр. 13).

В книге подробно рассматривается вопрос о происхождении религии. Ее возникновение было неизбежно. Неизбежность коренилась в тяжелых условиях жизни первобытного человека, в порождавшемся этими условиями постоянном нервно-эмоциональном напряжении, тормозившем разумную деятельность, в стремлении к самообнадеживанию и самоутверждению. Однако религия — вовсе не врожденное свойство «разумного человека». Религиозные иллюзии и связанные с ними культы появляются только тогда, когда человеческое сознание достигает такого уровня развития, при котором воображение в состоянии создавать религиозные фантастические структуры.

Шаг, совершенный «разумным человеком» от безрелигиозности к религии, означал огромный скачок в его жизни. Религия — это первая система взглядов, созданная человеком, первая форма идеологической надстройки над социально-экономическим базисом общества. Но в то же время «разумный человек», изобретая ее, как бы попал к ней в плен, сделался ее рабом. Вся последующая история человека — это сперва неосознанное, а потом осознанное стремление высвободиться из этого плена, обрести свободу, заменить иллюзорное, фантастическое, искаженное представление о себе и окружающем мире материалистическим пониманием, основанным на научном доказательстве и анализе.

Опровергая утверждения церковников о якобы положительном влиянии религии на первобытного человека, И. А. Кривелев пишет: «Религия давала человечеству иллюзию относительной безопасности, обеспечиваемой помощью дружественных сверхъестественных сил. Но иллюзия не могла правильно ориентировать человека в его жизнедеятельности: он переставал бояться там и тогда, где и когда страх был бы совершенно обоснован и побуждал бы человека к спасительным действиям. И наоборот, религия порождала у него страх перед враждебными сверхъестественными силами и этим опять-таки сбивала его с пути целесообразного поведения. Она угнетала его сознание и держала в страхе и подавленности. Если первобытный человек оказывался в состоянии избежать опасностей и ловушек, на каждом шагу расставленных перед ним природой и враждебными социальными силами, то не благодаря тому, что он „открыл“ религию, а вопреки

этому, преодолевая ее дезориентирующее влияние. Развитие познания в первобытном обществе тоже стимулировалось не фантастическими представлениями религии и не магическими «экспериментами», а потребностями жизни и практики. Если первобытный человек двигался по пути технико-экономического и социального прогресса, то лишь потому, что стихийно-материалистическая направленность его жизнедеятельности позволяла ему преодолевать мертвящее влияние давивших на его сознание религиозных призраков» (т. 1, стр. 50—51).

Буржуазные религиоведы, вторя церковникам, утверждают, что религия развивалась от многобожия (политеизма) к единобожию (монотеизму). И. А. Кривелев доказывает, что монотеизма фактически не существовало и не существует. Верующий любого культа признает существование множества сверхъестественных существ, хотя может поклоняться только «высшему» из них. Для определения такого состояния автор использует термин «однобожие» (энотеизм). Автор вводит новое понятие — «супремонтензм», исходящее из наличия в каждой религии политеистического пантеона, в котором один из богов считается «единственным» и верховным, подчиняющим себе остальных. Аргументация автора убедительна, хотя, по-видимому, могут быть исключения, не соответствующие предлагаемой им схеме.

Восемь глав рецензируемой работы посвящены христианству. В них рассматриваются эсхатология христианского культа, различные этапы его становления, приспособление к условиям раннего феодализма, внутрицерковная борьба, разделение церквей на Восточную и Западную, крестовые походы, борьба церкви и светской власти за преобладание, формирование официального богословия, еретические движения, деятельность инквизиции.

Автор объясняет причины появления протестантизма, его богословские принципы, различные течения в нем, контрреформацию, отношение христианских культов к успехам естествознания.

В исследовании освещена история христианизации восточных славян и образования русской православной церкви. Автор анализирует роль церкви в истории средневековой Руси и такие вопросы, как роль церкви в феодально-княжеских междоусобицах, ее отношение к монголо-татарскому игу, к централизации Русского государства. Особое внимание уделено антицерковным движениям и внутрицерковной борьбе.

В главах, относящихся к новому и новейшему времени, рассматривается христианство в период буржуазных революций, взаимоотношения православной церкви с государством в России в XVII и XVIII вв., в частности образование и эволюция старообрядчества.

Исследование христианства заканчивается анализом его вероучения в условиях научного прогресса XIX — начала XX в.

Три главы посвящены исламу. И. А. Кривелев прослеживает место ислама и его эволюцию до начала XX в. включительно. Такие разделы, как государственно-политические позиции ислама в XVI—XVIII вв.; ислам в условиях развития буржуазных отношений на Ближнем Востоке; панисламизм и модернизация ислама в конце XIX — начале XX в. и ислам в царской России, несомненно, привлекут внимание читателя, интересующегося судьбами этой религии.

Столь же содержательна и глава рецензируемого труда, посвященная возникновению и основным этапам эволюции буддизма.

И. А. Кривелев отвергает широко распространенное среди специалистов мнение, согласно которому буддизм является не религией в традиционном понимании этого термина, а этической системой или атеистической религией. Такая трактовка буддизма, по словам автора, вытекает из непонимания того, что этика в нем имеет религиозную основу, ибо ее нормы якобы санкционированы повелениями сверхъестественных сил (т. 2, стр. 302).

Размеры рецензии не позволяют подробно остановиться на отдельных разделах монографии И. А. Кривелева. Но необходимо отметить еще одно ее немаловажное достоинство — обилие и многообразие материалов, использованных автором. Это и священные тексты, и комментарии к ним богословов и религиоведов самых различных направлений, и исторические исследования — классические и новейшие. Автор свободно ориентируется в отечественной и зарубежной литературе. Монография, скромно названная «Очерками», в высшей степени полезна, направлена своим острым против разного рода богословских теорий и буржуазных антинаучных концепций истории религий. Скрупулезно анализируя всю сумму исследуемых фактов, И. А. Кривелев опровергает точки зрения своих противников. Он последовательно придерживается марксистско-ленинского учения о религии, которая была и остается, говоря словами В. И. Ленина, «пустоцветом, растущим на живом дереве... человеческого познания»³.

Разумеется, в такой большой работе встречаются спорные места и фактические неточности. Рассмотрим некоторые из них. Хотя монография посвящена анализу мировых религий, следовало бы уделить в ней больше внимания локальным культам, на фоне которых и развиваются мировые религии. Заслуживала бы более подробного анализа и религия древнего Израиля, которая рассматривается только в ее взаимосвязи с христианством. Автор правильно, на наш взгляд, датирует евангелие второй четвертью

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 322.

II в., однако в примечании (т. I, стр. 191) евангелие почему-то датируется второй половиной II в. Ошибочна датировка получения Русью митрополита Феофемпта 1037 годом (в литературе начало его деятельности относят к 1038 году).

Однако все эти и другие не отмеченные нами мелкие неточности не снижают высокой оценки книги. Институт этнографии АН СССР и Институт научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, под грифом которых вышла эта работа, совершили полезное дело, способствуя ее публикации. Не только специалисты, а все, кто интересуется вопросами религии, прочтут с интересом и пользой работу И. А. Кривелева. В этом известная заслуга и издательства «Мысль». О том, что рецензируемая книга очень нужна, говорит хотя бы ее молниеносное исчезновение с прилавков книжных магазинов. Очевидно, ее тираж (50 тыс. экз.) оказался заниженным. Вызывает удивление то обстоятельство, что издательство «Мысль» сочло возможным дать исследование И. А. Кривелева в урезанном виде, сократив его более чем наполовину (со 110 авторских листов до 44). Мне, как члену Ученого совета Института этнографии АН СССР, утверждавшему работу И. А. Кривелева к печати, пришлось читать ее в рукописи. Ознакомившись теперь с ее печатным вариантом, могу только выразить глубокое сожаление, что читатель лишился исключительно ценного и полезного материала. Если соблюдение разумных норм необходимо повсюду, то в издательском деле просто недопустим шаблон и сокращение рукописи только на том основании, что она показалась «слишком длинной». Ведь такие монографии, как исследование И. А. Кривелева, не создаются ежегодно. Смело утверждаю, что пройдет десятилетия, прежде чем у нас появится другая работа такого же плана и масштаба.

Исследование И. А. Кривелева важно не только для нашего, но и для зарубежного читателя. Не сомневаюсь, что, как и монография С. А. Токарева, оно будет переведено на многие языки и появится во многих странах. Вот почему книгу И. А. Кривелева не следовало урезать столь радикально. Погоня за экономией бумаги привела к тому, что в таком монументальном труде отсутствует критическая оценка источников, нет библиографии, нарушены пропорции в освещении основных сюжетов и имеются другие недостатки.

Труд И. А. Кривелева доведен до начала XX в. Надеюсь, что автор сможет закончить свое исследование томом об особенностях мировых религий в наше время. Что же касается издательства «Мысль», то пожелаем ему переиздать сочинение И. А. Кривелева в полном объеме.

И. Р. Григулевич

Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография. М., 1976, 263 стр.

В предисловии к рецензируемой книге В. Д. Королук (отв. редактор) и Е. П. Наумов сообщают читателям о большой работе и планах Сектора древней истории и средних веков Института славяноведения и балканистики АН СССР. Этот сборник — его первая публикация по широкой проблематике этногенеза народностей Юго-Восточной Европы. За ним должны последовать и другие издания, касающиеся комплексных проблем этногенеза славянских и соседних народов в основном в эпоху средневековья.

Рассматриваемый сборник носит подзаголовок «Методология и историография». Столь ответственная задача, поставленная авторами, вызывает особый интерес к этому изданию.

Критический анализ состояния проблемы и острая постановка методологических вопросов содержатся в статье В. Д. Королука «К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев». Так, автор обосновывает вывод о том, что комплексное изучение вопросов этногенеза должно предполагать «не столько прямое сопоставление данных лингвистики, археологии, антропологии и письменных источников, сколько сопоставление получаемых в результате их изучения реконструкций (разрядка наша.— В. К., Я. Ч.)» (стр. 24). В. Д. Королук особо подчеркивает эту мысль, поскольку методология исследования этногенеза по данным отдельных дисциплин еще слабо разработана. Так, например, он указывает на противоречие между картиной праславянского общества, как она вырисовывается по лингвистическим материалам, и его изображением в первых письменных известиях. Очевидно, говорит автор, «сопоставлению в данном случае должен предшествовать заново проведенный анализ данных языка» (стр. 25). Аналогичная методологическая задача стоит также перед археологами и историками. «Для будущего наших этногенетических исследований,— пишет В. Д. Королук,— в связи со сказанным выше, очень большую роль должна сыграть организация равномерно, по возможности синхронно развивающихся разработок во всех возможных направлениях — археологическом, историческом, лингвистическом, этнографическом, даже историко-географическом и историко-социологическом. Только максимальное приближение к теоретически возможному синхронному исследовательским усилиям способно обеспечить действительную комплексность этногенетических исследований, даже если эти исследования будут иметь регионально и хронологически или тематически ограниченный характер» (стр. 25).